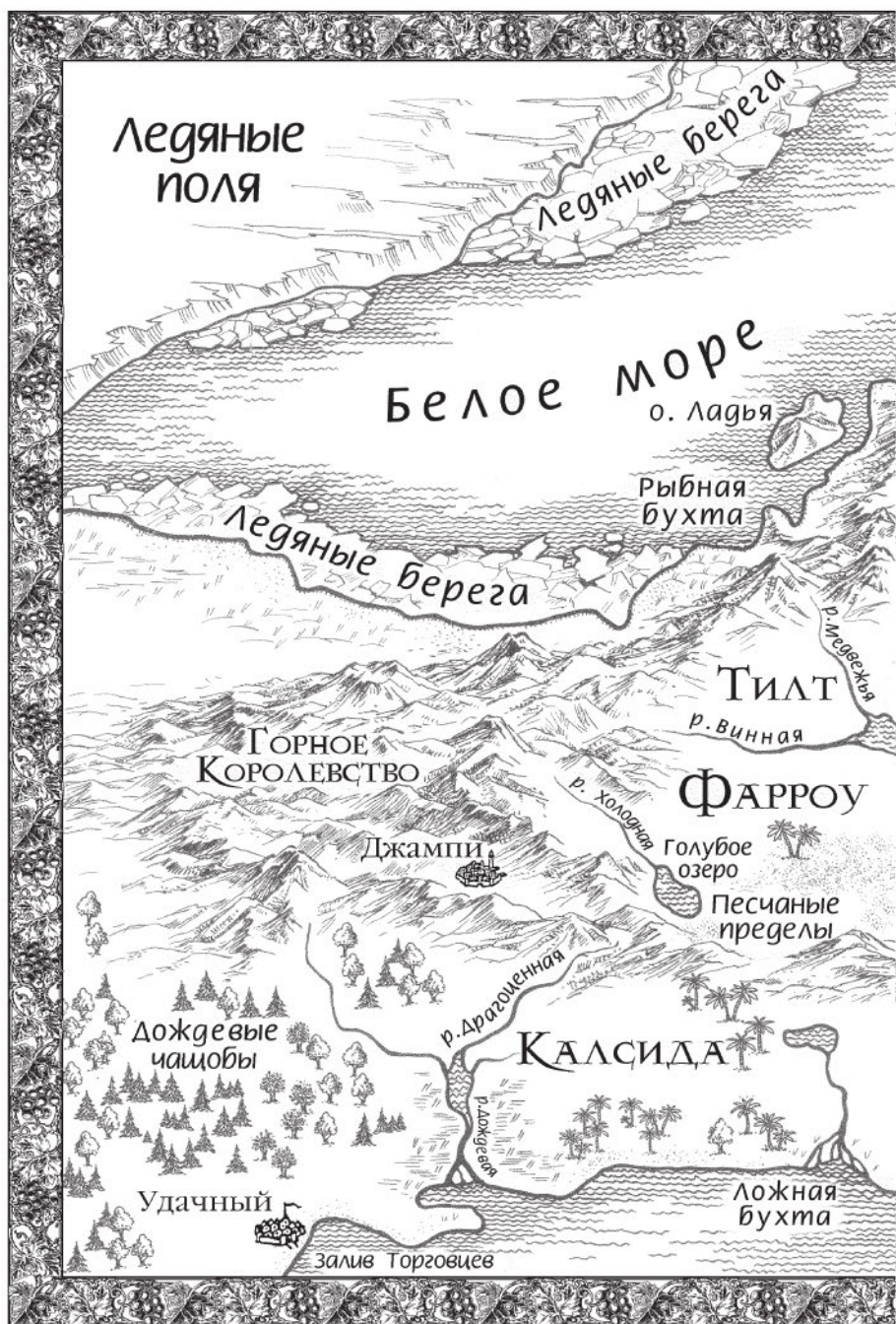
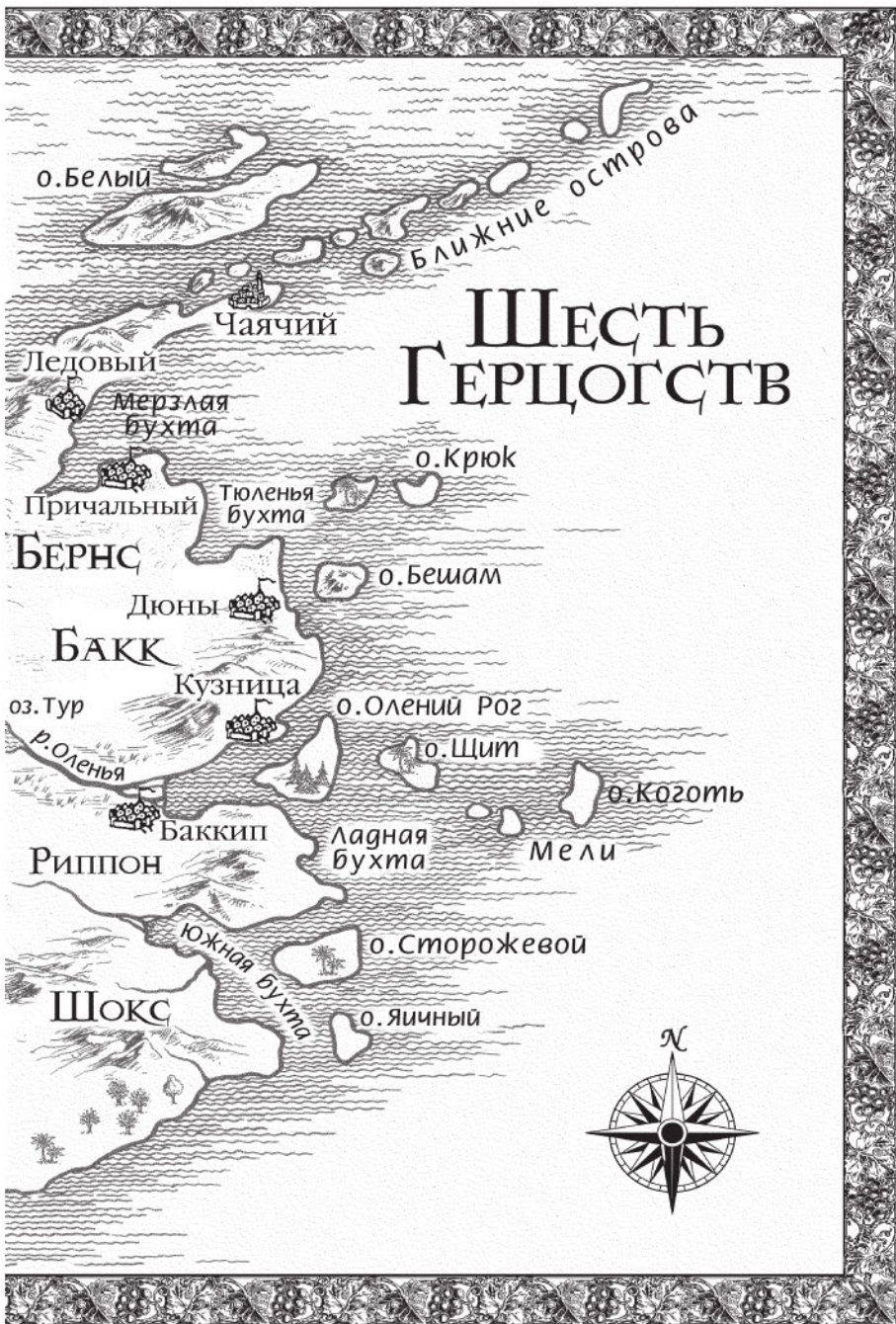

Пролог

ВЫЗОВ СУДЬБЕ

Цель Белого Пророка была проста: он хотел разорвать замкнутый круг, по которому веками двигался мир. История, по его словам, раз за разом повторяет самое себя и в каждом цикле люди совершают одни и те же глупые ошибки. Они проживают день за днем, отдавая их на растерзание своих желаний и устремлений, уверенные в том, что их поступки и свершения имеют огромное значение для вселенского порядка вещей.

Если верить Белому Пророку, это самое глубокое заблуждение, какое только может быть. Каждый, пусть даже самый незначительный, благородный поступок подталкивает мир к иной, лучшей дороге. Судьба мира может зависеть от того, погибнет ли один-единственный человек. Что я такое для Белого Пророка? Его Изменяющий. Я — тот мелкий камешек, который он бросит на дорогу под колеса времени, чтобы оно покинуло наезженную колею. Он сказал мне, что даже совсем маленький камешек может заставить колесо истории свернуть в сторону, но предупредил меня, что для камешка это удовольствие не из приятных.

Белый Пророк говорит, что видит не просто будущее, а разные варианты будущего и большинство из них до омерзения похожи друг на друга. Однако в некоторых случаях существуют различия, которые обещают ослепительные возможности.

Первым таким различием стал наследник династии Видящих, наследник, которому удалось остаться в живых. То был я. Белый Пророк вынуждал меня жить, раз за разом спасая от смерти, которая постоянно за мной охотилась. Он оберегал меня, чтобы колеса времени могли свернуть в лучшую колею. И это стало делом его жизни. Смерть и невероятные опасности подстерегали меня практически на каждом шагу, но Белый Пророк всякий раз вытаскивал меня из жутких передрыг, уводил от края пропасти, чтобы я, измученный и несчастный, снова смог последовать за ним. Он использовал меня без сомнений и колебаний, но не без жалости и сострадания.

Ему удалось заставить судьбу свернуть с предопределенной дороги на ту, что сделает мир лучше. Так он сказал. Впрочем, далеко не все разделяли его мнение. Эти люди видели будущее без наследника династии Видящих и без драконов. Одна из них решила позаботиться о том, чтобы такое будущее наступило, избавившись от Шута, который стоял у нее на пути.

I

ЯЩЕРИЦЫ

Иногда кажется несправедливым, что события далекого прошлого могут преодолеть пропасть лет и вонзить свои когти в твою жизнь, а потом изменить будущее. Однако, возможно, именно в этом и заключается вселенская справедливость: мы есть то, что сами сделали в этой жизни, и то, что было сделано с нами. И в этом мы все равны.

Иными словами, все, что сказал мне Шут, и все, что осталось несказанным, слилось в единое целое. И в результате я его предал. Однако я считал, что действую для его же блага — и своего собственного. Он предсказал, что, если я отправлюсь на остров Аслевджал, он погибнет и смерть, возможно, предпримет очередную попытку прибрать меня к рукам. Шут обещал сделать все, что в его силах, чтобы я выжил, поскольку этого требовали его грандиозные планы изменения будущего. Но я еще не забыл своего последнего столкновения со смертью, и его обещания казались мне скорее пугающими, чем утешительными. Кроме того, он невзначай обмолвился, что, как только я окажусь на острове, мне придется выбирать между нашей дружбой и верностью принцу Дьютифулу.

Возможно, у меня хватило бы сил посмотреть в лицо обоим опасностям и достойно противостоять им, но лично я в этом сомневался. Любой из них, взятой в отдельности, хватило бы, чтобы лишить меня присутствия духа, а уж о том, чтобы столкнуться с двумя этими невзгодами, мне и подумать было страшно.

И потому я отправился к Чейду. Я рассказал ему, что поведал мне Шут. И мой старый наставник позаботился о том, чтобы мы отплыли на Внешние острова без Шута.

ВОлений замок пришла весна. Мрачная каменная цитадель по-прежнему стояла на крутых скалах над городом Баккип, но на холмах внизу сквозь сухую прошлогоднюю траву начала

пробиваться жизнерадостная молодая зелень. Голые ветви деревьев окутала зеленая дымка из крошечных листочков, зимние кучи бурых водорослей на черном берегу у подножия скал унес прилив. Вернулись из теплых краев птицы, и их песни звенели среди поросших деревьями холмов и на побережье, где чайки сражались друг с другом за лучшие места для гнезд. Весна даже сумела пробраться в мрачные залы и под высокие потолки замка, первые цветы и зеленые веточки украшали каждый уголок Оленьего замка и двери комнат.

Теплый ветер развеял мою тоску. Естественно, заботы и тревоги никуда не делись, однако весна наделена великим могуществом, и ей по силам заставить человека забыть о неприятностях. Ко мне постепенно возвращалось здоровье и силы; таким молодым я не чувствовал себя, даже когда мне было двадцать. Я не только начал набирать вес, у меня снова появились мускулы и тело, какое должно быть у здорового человека моих лет. Не слишком умелое лечение Силой исцелило и мои старые раны — боль, испытанную во время занятий с Галеном, ранения, полученные во время сражений, и страшные шрамы, оставшиеся после страшных дней в подземелье Регала. Все исчезло. У меня практически не болела голова, зрение больше не отказывало, когда я уставал, а утренний холод не причинял страданий. Теперь я жил в теле сильного, здорового зверя. Нет ничего восхитительнее ощущения силы и ясного весеннего утра.

Я стоял на башне и смотрел на волнующееся море. У меня за спиной в кадках со свежесудобренной землей росли маленькие фруктовые деревья, усыпанные бело-розовыми цветами. В горшках поменьше наливались силой бутоны выюнков. Длинные зеленые листья шароцветов тянулись вверх, точно разведчики, посланные проверить, хорош ли воздух. В некоторых горшках из земли торчали лишь коричневые стебли, растения ждали наступления теплых дней.

Среди горшков и кадок были расставлены изящные статуи и удобные скамейки. Защищенные от ветра свечи ждали прихода летних вечеров, чтобы озарить их своим мягким сиянием. Кетриккен восстановила Сад Королевы, вернув ему прежнее великолепие. Здесь, на самом верху башни, было ее убежище. Его простота напоминала о Горном Королевстве, где она родилась

и выросла, но само существование уходило корнями в далекое прошлое Оленьего замка.

Охваченный беспокойством, я некоторое время шагал по тропинке, которая шла по периметру сада, но потом все-таки сумел заставить себя остановиться. Мальчик не опаздывает. Это я пришел слишком рано. Он вовсе не виноват в том, что минуты тянутся бесконечно. Волнение отчаянно сражалось с нежеланием делать то, что меня вынудили, пока я ждал своей первой встречи наедине с сыном Баррича. Моя королева поручила мне позаботиться об образовании Свифта, она хотела, чтобы я научил его грамоте и владению оружием. Мне совсем не хотелось с ним заниматься. Мальчик был не только Одарен, но и невероятно упрям. Два этих качества в сочетании с сообразительностью могли доставить ему массу неприятностей. Королева издала указ, в котором говорилось, что Одаренных следует уважать, но многие продолжали считать, что лучшим лекарством для них являются петля, нож и костер.

Я прекрасно понимал, почему королева поручила Свифта моим заботам. Баррич выгнал его из дома, когда мальчишка категорически заявил, что не желает подавлять свой Дар. Однако Баррич вырастил и воспитал меня, когда от меня отказался мой собственный венценосный отец, поскольку я родился бастардом, которого он не осмелился признать. Так что я был обязан сделать для сына Баррича то, что тот сделал для меня, хотя и не мог позволить мальчику узнать, что я Фитц Чивэл и воспитанник его отца.

Вот почему я ждал Свифта, тощего парнишку десяти лет, с таким же волнением, как если бы мне предстояла встреча с самим Барричем. Я с удовольствием вдохнул холодный утренний воздух, напоенный ароматами весенних цветов, и напомнил себе, что наши занятия продлятся не слишком долго. Очень скоро мне предстоит сопровождать принца на Аслевджал, один из Внешних островов. А до тех пор, сказал я себе, можно потерпеть и поработать над обременительным поручением моей королевы.

Дар позволяет почувствовать появление другого живого существа, и потому я повернулся к тяжелой двери, прежде чем Свифт успел ее открыть. Мальчик вошел и тихонько притворил

дверь за собой. Несмотря на долгий подъем по крутой лестнице, он не запыхался и дышал ровно. Оттуда, где он стоял, меня было не очень хорошо видно из-за деревьев, и я остался на своем месте, чтобы понаблюдать за ним.

Свифт был одет в простой синий костюм, как и подобает пажу в Оленьем замке. Чейд прав — из него получится отличный воин, владеющий боевым топором. Мальчик был очень худым, как и все шустрые мальчишки его возраста, но я видел, что со временем он раздастся в плечах, как его отец. Вряд ли Свифт вырастет очень высоким, однако явно будет достаточно крепок, чтобы не переживать из-за своего роста. Природа наградила его темными глазами и вьющимися волосами Баррича, а от Молли он взял линию подбородка и разрез глаз. Молли, моя потерянная любовь и жена Баррича... Похоже, мне придется труднее, чем я полагал.

Я увидел, что Свифт почувствовал мое присутствие, и замер на месте, дожидаясь, когда он меня заметит. Несколько мгновений мы оба стояли молча. Затем он прошел по тропинке и встал передо мной. Его старательному поклону не хватало изящества.

— Милорд, я Свифт Одаренный. Мне сказали, что я должен предстать перед вами, и я выполняю приказ.

Я видел, что мальчик потратил немало сил, чтобы выучить положенные при дворе фразы. Однако прямое упоминание о Звериной магии в качестве дополнения к собственному имени прозвучало словно вызов, как будто он хотел выяснить, действует ли защита королевы здесь, когда он наедине со мной. Он посмотрел мне в глаза, и его взгляд, с точки зрения большинства благородных лордов, был весьма дерзким. Но тут я в очередной раз напомнил себе, что я вовсе не благородный лорд. О чем и сказал.

— Никто не называет меня «милорд», приятель. Меня зовут Том Баджерлок, я солдат из стражи королевы. Ты можешь называть меня мастер Баджерлок, а я стану звать тебя Свифт. Согласен?

Он дважды моргнул, а потом кивнул. Впрочем, он тут же понял, что нарушил правила, и сказал:

— Да, господин. Мастер Баджерлок.

— Хорошо, Свифт. Тебе известно, зачем тебя прислали ко мне?

Он прикусил верхнюю губу, затем сделал глубокий вдох и ответил:

— Полагаю, я кого-то огорчил. — И он снова посмотрел мне в глаза. — Но я не знаю, что я сделал и кто мной недоволен. — Затем, с намеком на вызов, он добавил: — Я таков, какой я есть. Если дело в том, что я Одарен, тогда это несправедливо. Наша королева сказала, что моя магия не должна влиять на то, как со мной обращаются другие люди.

У меня перехватило дыхание: я смотрел на мальчика, а видел его отца. Бескомпромиссная честность и решимость говорить правду всегда отличали Баррича. Но в резком ответе Свифта я узнал вспыльчивость Молли. На мгновение я потерял дар речи.

Мальчик понял мое молчание как неудовольствие и опустил глаза. Но его плечи были по-прежнему гордо расправлены, потому что он не понимал, какое преступление совершил, и не собирался ни в чем раскаиваться, пока ему не скажут, в чем его вина.

— Ты никого не огорчил, Свифт. И скоро увидишь, что некоторых обитателей замка твой Дар совершенно не беспокоит. Мы отделили тебя от остальных детей вовсе не поэтому. Скорее для твоего блага. Твое знание грамоты превосходит знания твоих ровесников. Но мы не хотим определять тебя к старшим ученикам. Кроме того, было решено, что тебе полезно научиться владеть боевым топором. Думаю, именно по этой причине меня выбрали на роль твоего наставника.

Свифт резко поднял голову и посмотрел на меня в смущении и тревоге.

— Боевым топором?

Я кивнул ему и самому себе. Старые штучки Чейда. Совершенно очевидно, что мальчика не спросили, хочет ли он научиться владеть этим видом оружия. Я нацепил на лицо улыбку и заявил:

— Ясное дело, боевым топором. Солдаты Оленьего замка еще помнят, что твой отец великолепно им владел. А поскольку ты унаследовал его телосложение и очень на него похож, совершенно естественно, что его любимое оружие должно стать и твоим.

— Я совсем не похож на своего отца, мастер Баджерлок.

Я чуть не рассмеялся вслух, не от радости, разумеется, а потому что в эту минуту мальчик, как никогда, походил на Баррича. Я чувствовал себя ужасно странно, глядя сверху вниз на мальчишку, который хмурился в точности как мой наставник. Мне пришлось напомнить себе, что передо мной просто мальчишка десяти лет от роду.

— По мнению королевы и ее советника Чейда, ты достаточно похож на него, — холодно проговорил я. — Ты намерен возражать против их решения?

Мои слова повисли в воздухе. Я даже увидел мгновение, когда он принял решение, и почти сумел прочитать его мысли. Он может отказаться. Но тогда его посчитают неблагодарным и отправят домой к отцу. Лучше смириться с неприятным приказом и остаться. И потому он тихо проговорил:

— Нет, мастер. Я принимаю их волю.

— Это хорошо, — с напускной сердечностью ответил я.

Однако, прежде чем я продолжил, он добавил:

— Но я уже умею обращаться с оружием. С луком, мастер Баджерлок. Я не говорил раньше, поскольку не знал, что это кому-нибудь интересно. Но если я должен пройти обучение в качестве воина и пажа, я уже выбрал для себя оружие.

Интересно. Не говоря ни слова, я несколько минут разглядывал его. Я видел в нем достаточно черт Баррича, чтобы знать, что он не станет впустую хвастаться умением, которым не обладает.

— Хорошо. Можешь показать, насколько хорошо ты владеешь луком. Но *это* время отведено для других занятий. Нам позволено брать рукописи из библиотеки замка.

Я ждал, что он ответит.

Свифт коротко кивнул, но снова вспомнил о манерах и сказал:

— Да, мастер.

— Отлично. В таком случае встретимся здесь завтра. В течение часа мы будем заниматься чтением и письмом, а затем спустимся на оружейный двор.

И я снова стал ждать ответа.

— Да, мастер... Мастер?

— Слушаю тебя.

— Я хорошо держусь в седле. Правда, я давно не ездил верхом — весь прошедший год отец не подпускал меня к животным. Но я не разучился. У меня очень неплохо получается.

— Молодец, что сказал, Свифт.

Я знал, на что он рассчитывает, и, взглянув в его лицо, увидел, как он помрачнел, услышав мой уклончивый ответ. Я же охладил его пыл почти машинально: мальчику его лет не следует даже думать о связи с животным. Однако, когда он опустил голову, я вспомнил о годах своего одиночества. Баррич изо всех сил старался защитить меня от Дара. Да, я прекрасно понимал, что он делал это из любви ко мне, но понимание не прогнало воспоминаний о боли. Я откашлялся и постарался, чтобы мой голос звучал ровно и уверенно.

— Ну ладно, Свифт. Встретимся завтра. Да, и надень старую одежду. Нам придется попотеть и немного испачкаться.

Мальчишка смущенно посмотрел на меня.

— Ну? В чем дело, приятель?

— Я... я не могу. Понимаете, у меня больше нет старой одежды. Только два костюма, которые мне дала королева.

— А что случилось с твоей старой одеждой?

— Я... ее сжег. — Неожиданно в его голосе прозвучал вызов, и, сжав зубы, он поднял на меня глаза.

Я хотел спросить зачем, но понял, что и сам знаю. Мальчишка намеренно уничтожил все, что связывало его с прошлой жизнью. Несколько мгновений я размышлял, не заставить ли его сказать об этом вслух, но потом решил, что ничего таким способом не добьюсь. Конечно же, ему и самому стыдно, что он выбросил хорошую одежду. По-видимому, его разногласия с отцом зашли слишком далеко. Ясный весенний день вдруг перестал меня радовать, но я лишь пожал плечами.

— В таком случае надень то, что у тебя есть, — резко сказал я, надеясь, что мальчишка не слишком обидится на мой тон.

Он стоял и смотрел на меня, и я понял, что должен официально его отпустить.

— Можешь идти, Свифт. Увидимся завтра.

— Слушаюсь. Спасибо, мастер Баджерлок. — Он не слишком умело поклонился. Я видел, что он хочет еще что-то сказать, но не решается. — Могу я задать вам один вопрос?

— Конечно.

Свифт с сомнением огляделся по сторонам.

— Почему мы встречаемся здесь, наверху?

— Тут тихо и хорошо. В твоём возрасте я терпеть не мог, когда меня заставляли сидеть в помещении.

Свифт неуверенно улыбнулся.

— Я тоже. А ещё мне не нравится, когда я нахожусь далеко от животных. Наверное, меня зовет моя магия.

Я пожалел, что он заговорил об этом.

— Может быть. А ещё, возможно, тебе следует хорошенько подумать, прежде чем отвечать на её призыв. — На сей раз я постарался, чтобы он услышал упрек в моем голосе.

Он поморщился, но тут же напустил на себя возмущенный вид.

— Королева сказала, что другие люди не должны обращать внимание на мою магию. И никто не может меня обидеть из-за того, что она у меня есть.

— Совершенно верно. Но люди не станут тебя любить и хорошо с тобой обращаться только из-за того, что ты ею наделен. Я советую тебе держать свою магию в тайне, Свифт. Не стоит выставлять её напоказ перед теми, кого плохо знаешь. Если ты хочешь узнать, как лучше всего обращаться с Даром, послушай Уэба, когда он рассказывает свои истории у камина по вечерам.

Он нахмурился, слушая мои слова. Коротким жестом я показал ему, что он свободен, и мальчик ушел. Мне кажется, я понял, о чем он думал. Дар стал причиной его разногласий с отцом. Он бросил Барричу вызов и сбежал в Олений замок, решив, что сможет открыто жить при дворе королевы Кеттриккен. Но если мальчишка думает, что его владение древней магией позволит ему занять место при дворе, что же, придется мне прочистить ему мозги. Я не стану пытаться лишить паренька Дара. Но меня огорчило, что он выставляет свой Дар напоказ, словно маленький проказник, который размахивает тряпкой перед самым носом терьера, чтобы посмотреть, что будет. Рано или поздно мальчишка встретит какого-нибудь молодого аристократа, и тот объяснит ему, что он думает по поводу Звериной магии. Многие проявляли терпимость, лишь подчиняясь приказу королевы, а в душе продолжали ненавидеть Одаренных. После разговора со

Свифтом я понял, что правильно решил скрыть от него, что и сам обладаю древней магией. Нельзя, чтобы он меня выдал.

Я снова посмотрел на море и небо. Восхитительное зрелище захватывало дух и одновременно было таким знакомым. Затем я заставил себя взглянуть вниз, на невысокую стену, отделявшую меня от мощеного двора у подножия башни. Когда-то давно, страдая от невыносимой физической и душевной боли после побоев Галена, мастера Силы, я попытался броситься с этой башни. Баррич мне помешал. Он отнес меня в свою комнату, позаботился о моих ранах, а после отомстил Галену. Я по-прежнему в долгу у него. Может быть, согласившись заниматься с его сыном и защищая мальчишку при дворе, я смогу хотя бы частично вернуть этот долг. Последняя мысль помогла мне собрать осколки решимости, которая начала меня покидать после разговора со Свифтом, и я начал спускаться по лестнице. Я спешил на другую встречу и по положению солнца видел, что уже опаздываю.

Чейд распространил слух о том, что он занимается с юным принцем Силой. Я испытал радость и одновременно печаль от такого поворота событий. Заявление Чейда означало, что им с Дьютифулом больше не придется встречаться тайно. То, что принц брал на эти уроки своего придурковатого слугу, в замке считали капризом. При дворе никто даже подумать не мог, что Олух учится вместе с принцем и что магия, считающаяся принадлежностью Видящих, говорит в этом дурачке гораздо громче, чем в наследниках королевской династии. Огорчало меня то, что я, настоящий мастер Силы, вынужден приходить на уроки тайно. Ведь сейчас меня звали Том Баджерлок, а простой стражник не может иметь никакого отношения к магии Видящих.

Я спустился по лестнице из Сада Королевы и быстро прошел по коридорам замка. В той части, где жили слуги, имелось шесть входов в тайный лабиринт, пронизывающий весь замок изнутри. Всякий раз я старался пользоваться разными входами. И сегодня выбрал тот, что находился рядом с кладовкой около кухни. Я подождал, пока коридор опустеет, затем вошел в кладовку, пробрался между висящими колбасами и через несколько минут открыл потайную дверь. Мгновение спустя меня окутал уже ставший привычным мрак.

Я не стал тратить время и ждать, когда глаза привыкнут к темноте. В этой части лабиринта не было никакого освещения. В свои первые походы сюда я брал с собой свечу, сегодня же решил, что знаю лабиринт достаточно хорошо, чтобы пройти по нему вслепую. Я отсчитал необходимое количество шагов и оказался у подножия узкой лестницы. Добравшись до ее верха, я резко повернул направо и увидел тонкие, точно пальцы, полосы солнечного света, пробивавшиеся в пыльный коридор. Пригнувшись, я поспешил вперед и вскоре вышел в знакомую часть потайного лабиринта. Прошло еще несколько минут, и я вышел из-за камина в Сторожевую башню. Возвращая на место панель, закрывавшую вход, я услышал, как открывается щеколда на двери, и едва успел кое-как спрятаться за длинной шторой, прикрывавшей окно, как кто-то вошел в комнату.

Я затаил дыхание, но оказалось, что это Чейд, Дьютифул и Олух пришли на урок. Я дождался, пока они надежно закроют за собой дверь, и только тогда вышел из своего укрытия. Олух вздрогнул от неожиданности, а Чейд спокойно произнес:

— Ты знаешь, что у тебя на левой щеке паутина?

Я вытер щеку.

— Удивительно, что только на левой. У меня такое впечатление, что весеннее тепло разбудило легионы пауков.

Чейд мрачно кивнул.

— Раньше я прихватывал с собой щетку из перьев от пыли и размахивал этой штукой у себя перед носом. Помогало. Но не слишком. Впрочем, в те времена мой внешний вид не имел никакого значения. Просто мне не нравилось, как они щекочут меня лапками по голой шее.

Дьютифул фыркнул — видимо, представил, как изысканно одетый советник королевы пробирается по пыльным коридорам. Было время, когда Чейд скрывался в потайных комнатах замка, служил всего лишь тайным убийцей и исполнял королевское правосудие, прячась среди теней. Но то время осталось в прошлом. Теперь же он величественно шагал по замку, открыто выходя в роли дипломата и советника королевы. Элегантные костюмы сине-зеленых тонов, а также драгоценности, украшавшие шею и мочки ушей, указывали на его статус. Белоснежные волосы и зеленые глаза казались великолепным дополнением к кос-

тюму. Шрамы, доставлявшие Чейду столько огорчений, с годами сгладились. Но я не завидовал его блестящему облику. Пусть старик радуется тому, чего был лишен в молодости. Это никому не вредит, а те, кого ослепляют его наряды, как правило, не замечают его главного оружия — острого и пронизательного ума.

В отличие от Чейда принц был одет почти так же просто, как я. Думаю, сказывалось материнское воспитание: королева Кеттриккен выросла в суровом Горном Королевстве и была приучена к бережливости. В свои пятнадцать лет Дьютифул стремительно рос, и шить ему роскошные костюмы на каждый день не имело никакого смысла. Он либо быстро вырастал из них, либо они лопались по швам во время занятий на оружейном дворе. Я смотрел на улыбающегося юношу, стоявшего передо мной. Темные глаза и выющиеся волосы напомнили мне его отца, а вот рост и линия подбородка — моего собственного отца, Чивэла.

Толстый коротышка, сопровождавший Дьютифула, являл собой его полную противоположность. По моим прикидкам Олуху было чуть меньше тридцати. Маленькие, плотно прилегающие к голове уши и вечно торчащий изо рта язык указывали на то, что у него не все в порядке с мозгами. Принц одел его в голубую тунику и обтягивающие штаны — точную копию своего костюма, вплоть до герба с оленем на груди, но туника Олуха натянулась на приличном брюшке, а штаны забавно пузырились на коленях и топорщились около щиколоток. Тем, кто не чувствовал Силы, пылающей в нем ярким пламенем, дурачок казался смешным и немного отталкивающим.

Олух учился сдерживать свою музыку, навеванную Силой, которая заменяла ему обычные мысли. Теперь она стала менее настойчивой, а значит, и не такой раздражающей, как раньше, однако его талант был так силен, что Олух постоянно окутывал нас своей мелодией. Я мог спрятаться от нее за мысленными защитными стенами, но тогда переставал улавливать менее явную Силу Чейда и Дьютифула. Отгородиться от музыки Олуха и одновременно учить этих двоих было невозможно, так что приходилось терпеть.

Сегодня в ней звучали щелканье ножниц, стук веретена и не смолкавший ни на минуту пронзительный смех женщины.

— У тебя была очередная примерка? — спросил я принца.

Он не удивился, поскольку знал, откуда мне все известно.
 — У нас с Олухом, — устало кивнув, подтвердил он. — Я думал, это утро никогда не кончится.

Олух энергично закивал:

— Встань на табуретку. Не чешись. Не шевелись. Они тыкали в Олуха иголками. — Последние слова он произнес с обиженным видом и наградил принца сердитым взглядом.

Дьютифул вздохнул.

— Это получилось случайно, Олух. Она же попросила тебя стоять спокойно.

— Она злая, — тихо заявил дурачок.

Я решил, что он говорит правду. Придворные не могли принять дружбу принца с Олухом. По необъяснимой причине некоторые слуги были возмущены даже больше, чем аристократы, и многие умело находили способы дать выход своему неудовольствию.

— Ну, все ведь закончилось, Олух, — попытался утешить его Дьютифул.

Мы заняли свои обычные места за огромным столом. Поскольку Чейд заявил, что они с принцем начинают заниматься Силой, эту комнату удобно обставили — длинные шторы, закрывавшие большие окна, сейчас были раздвинуты, и в комнате резвился приятный весенний ветерок. Слуги тщательно вычистили и отмыли каменные стены и полы, кресла и столы отполировали и умастили. Здесь даже поставили настоящие стеллажи, на которых Чейд разместил свою маленькую библиотеку, а также надежно запирающийся шкаф, где он хранил самые ценные или опасные манускрипты. На громадном письменном столе из дуба стояли баночки с чернилами, лежали заточенные перья, а также большие стопки бумаги и пергамента. Кроме того, в подвесном шкафчике были расставлены бутылки с вином, бокалы и все, что могло потребоваться принцу. Получилась уютная комната, но она скорее отражала вкус Чейда, а не Дьютифула.

Мне понравились перемены.

Я рассматривал лица тех, кто собрался вокруг стола. Дьютифул напряженно смотрел на меня. Олух сосредоточенно ковырял в левой ноздре. Чейд сидел очень прямо, хотя его переполняла энергия. Не знаю, что он принял, чтобы подкрепить свои

силы, но глаза его все равно оставались красными от утомления. В сочетании с их естественным зеленым цветом получалось не слишком приятное зрелище.

— Сегодня я хочу сделать следующее... Олух, прекрати.

Не вынимая пальца из носа, Олух тупо на меня посмотрел и заявил:

— Не могу, мне мешает.

Чейд потер лоб и отвернулся.

— Дайте ему платок, — предложил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Принц Дьютифул сидел ближе остальных.

— Вот, высморкайся. Может быть, будет лучше.

Он протянул Олуху вышитый платок из тонкой ткани. Тот с сомнением смотрел на него несколько секунд, но потом все-таки взял. Стараясь перекрыть оглушительные звуки, которые он начал издавать, я спросил:

— Сегодня ночью каждый из нас должен был попробовать использовать Силу в своих снах.

Когда я предложил это на прошлом уроке, то не был уверен, что предложение окажется по вкусу Чейду и Дьютифулу, однако за них я волновался напрасно. А вот Олух, как правило, забывал о том, что он должен сделать вечером или ночью, и это было уже серьезным поводом для беспокойства. Путешествуя при помощи Силы, ты оставляешь свое тело и на короткое время видишь жизнь глазами другого человека. Мне несколько раз удавалось это сделать — случайно.

В манускриптах, посвященных Силе, говорится, что это не только отличный способ узнать много нового, но и возможность обнаружить людей, достаточно открытых, чтобы стать королевскими ратниками, источником энергии, которую мог бы черпать в них король или другой маг Силы. Нередко оказывалось, что такие люди и сами наделены Силой. Вчера Чейд горел решимостью исполнить новое задание, но сегодня мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что у него ничего не получилось. У Дьютифула, похоже, тоже.

— Ну что? Неудача?

— У меня получилось! — радостно завопил Олух.

— Ты отправился в путешествие? — удивленно спросил я.

— Не-е-е. Я ее вытащил. Видите? — Олух продемонстрировал свой зеленый трофей, который удобно расположился в самом центре платка принца.

Чейд отвернулся, не в силах скрыть отвращение.

Дьютифул, верный своему возрасту, громко расхохотался.

— Здорово, Олух! Какая громадная! Она похожа на престарелую зеленую саламандру.

— Ага, — с гордостью подтвердил Олух и от удовольствия еще шире раскрыл рот. — Вчера ночью мне приснилась большая синяя ящерица. Больше этой штуки! — И он принялся хихикать вместе с принцем.

— Мой принц и будущий монарх, нам пора заняться делом, — строго напомнил я Дьютифулу.

На самом деле я и сам с трудом сдерживал смех. Как же хорошо, что принц снова веселится, пусть и по такому неприглядному поводу. С самого нашего знакомства его постоянно угнетало чувство долга и необходимость соответствовать своему положению. Впервые за все время он вел себя, как пристало мальчишке весной; и я пожалел о своей строгости, когда улыбка мгновенно исчезла с лица Дьютифула. С самым серьезным видом он повернулся к Олуху, схватил свой платок и скатал его в шарик.

— Нет, Олух. Прекрати. Послушай меня. Тебе приснилась большая синяя ящерица? Очень большая?

Напряжение, прозвучавшее в голосе принца, заставило Чейда поднять голову и посмотреть на него. Но Олух был смущен и обижен быстрой сменой отношения и тона Дьютифула. Он насупился, выпятил нижнюю губу и высунул язык.

— Это плохо.

Я узнал фразу. Мы пытались научить Олуха правильно вести себя за столом, понимая, что, раз он будет сопровождать Дьютифула на Аслевджал, необходимо привить ему хотя бы какие-то манеры. К сожалению, он вспоминал правила только тогда, когда появлялась возможность сделать выговор кому-то другому.

— Извини, Олух. Ты прав. Хватать плохо. А теперь Расскажи мне про большую синюю ящерицу, которая тебе приснилась.

Принц ласково улыбнулся Олуху, однако тема разговора сменилась слишком быстро для понимания бедняги, и он лишь покачал большой головой и отвернулся. Сложив толстые руки на груди, дурачок сердито буркнул:

— Не-а.

— Пожалуйста, Олух, — начал Дьютифул, но его перебил Чейд:

— Разве это не может подождать, Дьютифул? До отплытия осталось не так много времени, а нам нужно еще многому научиться, если мы намерены создать круг магов Силы.

Я прекрасно понимал беспокойство старика и сам разделял его тревогу. Может случиться так, что именно от нашего владения Силой будет зависеть успешное завершение путешествия. Никто из нас не рассчитывал на то, что принц на самом деле прикончит какого-то спящего подо льдом дракона. В действительности при помощи Силы мы с Чейдом надеялись узнать побольше из жизни островов, чтобы облегчить Дьютифулу переговоры, посвященные его бракосочетанию.

— Нет, это важно, Чейд, думаю, что важно. Может быть. Поэтому что ночью мне тоже приснилась большая синяя ящерица. На самом деле это был дракон.

Пока мы обдумывали его слова, в комнате царило напряженное молчание. Затем Чейд неуверенно проговорил:

— Ну, нас не должно удивлять, что вы с Олухом можете видеть один и тот же сон. В течение дня вы так часто связываетесь друг с другом при помощи Силы, почему же этого не может произойти ночью?

— Мне кажется, что я не спал, когда это случилось. Я попытался отправиться путешествовать на крыльях Силы. Фи... то есть Том говорит, что ему легче погрузиться в нужное состояние, когда он дремлет. Вот я и лежал в кровати, пытался погрузиться в сон, но не слишком глубоко, и одновременно использовать Силу. И тогда я почувствовал...

— Что? — нетерпеливо спросил Чейд.

— Я почувствовал, что он на меня смотрит. Большими серебристыми глазами.

— Олух тебе ответил.